

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

1997

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д. М. Буланин. Дмитрий Сергеевич Лихачев и русская культура конца двадцатого века	3
О. И. Федотов. О метрическом составе «Песен западных славян»	14
Н. Н. Мостовская. «Пушкинское» в творчестве Тургенева	28
Е. К. Ромодановская. К вопросу об источниках «Сказания о гордом царе Аггее» В. М. Гаршина	38
Р. Н. Поддубная (Украина). Музыка и фантастика в русской литературе XIX века (развитие сквозных мотивов)	48
С. Ю. Ясенский. Проблематика свободы воли в новеллистике Брюсова и Андреева	66
Рита Джулиани (Италия). Л. Н. Андреев и Октябрьская революция, или Революция как Апокалипсис	78

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В. И. Сахаров. Масонские оды П. И. Голенищева-Кутузова и Н. Ф. Остолопова	94
Ф. А. Раскольников (США). Поэт и политик в пушкинском «Арионе»	102
И. В. Лукьянец. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и традиция французского мемуарного романа XVII—XVIII веков	106
М. Ю. Карушева. К цензурной истории драмы К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году»	113
Э. Г. Гайнцева. Николай Аполлонович Майков и его воспоминания (из круга общения И. А. Гончарова)	123
О. В. Евдокимова. Еще раз о том, как Н. С. Лесков оценивает своих героев («Справедливый человек. Полуночное видение»)	149
Е. З. Тарланов. К. М. Фофанов в итальянской русистике	158
А. А. Донсков (Канада). Письма Т. М. Бондарева к Л. Н. Толстому	163

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

А. А. Бовкало. Д. А. Крючков и Петроградский Богословский институт	182
А. М. Грачева. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (статья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек»)	185
Елена Максимова (США). О миниатюрах И. А. Бунина («Страшный рассказ» — 1926 год)	215
В. В. Перхин. К истории ареста и реабилитации Д. П. Святополк-Мирского (по архивным материалам)	220

ЗАМЕТКИ, УТОЧНЕНИЯ

Я. С. Билинкис. О творческом методе Гончарова (к выходу «Избранных трудов» Б. М. Энгельгардта)	238
М. Д. Эльзон. Ф. И. Тютчев в Комитете цензуры иностранной: новые материалы	239

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю. Д. Левин. Библиография «русского Вольтера»	244
Р. Ю. Данилевский. Неисчерпаемый Тургенев (материалы Международной конференции тургеноведов)	247
В. П. Муромский. Все дальше от канона (новые труды о Горьком)	250
Хоанг Ван Кан (Вьетнам). Лирика Пушкина во вьетнамских переводах	256
Ю. В. Стенник, А. Е. Пашкова. Русская интермедия в контексте традиции итальянской комедии dell'arte	262

Д. С. Лихачев, Н. Н. Скатов, С. И. Николаев. Академик Александр Михайлович Панченко (к 60-летию со дня рождения)	268

ХРОНИКА

М. А. Федотова. XX Малышевские чтения	271
М. В. Рождественская. Праздник, который с нами	274
А. М. Любомудров. Первые Зайцевские чтения	278
Т. М. Двинятина. Международная научная конференция «Леонид Андреев и мировая культура»	279
<i>От редакции Трудов Отдела др.-рус. лит.-ры.</i>	<i>286</i>

Редакционная коллегия:

Н. Н. СКАТОВ (и. о. главного редактора),
 Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора), А. А. ГОРЕЛОВ, Г. А. ГОРЫШИН,
 В. Я. ГРЕЧНЕВ, Н. А. ГРОЗНОВА, Б. Ф. ЕГОРОВ, А. И. ПАВЛОВСКИЙ,
 А. М. ПАНЧЕНКО, В. А. ТУНИМАНОВ, С. А. ФОМИЧЕВ

Отв. секретарь редакции М. Д. Кондратьев

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

АКАДЕМИК АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАНЧЕНКО

(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

25 февраля 1997 года исполняется 60 лет со дня рождения академика Александра Михайловича Панченко.

А. М. Панченко родился в Ленинграде в 1937 году в семье литературоведов, работавших в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, и уже с детства (включая годы эвакуации в Казани) был знаком как с атмосферой, так и с лучшими традициями петербургской филологии. В 1953 году он поступил в Ленинградский университет, где одновременно стал изучать богемистику на славянском отделении и русистику на кафедре истории русской литературы. С профессорами и наставниками на филологическом факультете ему повезло, он слушал лекции очень разных, но равно выдающихся ученых: В. Я. Проппа, И. П. Еремина, П. Н. Беркова, Б. В. Томашевского. В 1954 году Д. С. Лихачев, возглавивший тогда Сектор древнерусской литературы в Пушкинском Доме, предложил А. М. Панченко заняться медиэвистикой, и таким образом определилась профессиональная судьба А. М. Панченко. В 1958 году, после окончания Карлова университета в Праге, где А. М. Панченко продолжил изучение богемистики, и одновременно Ленинградского университета, он стал аспирантом Пушкинского Дома, где и работает до нынешнего дня.

С окончанием университета «годы учения» не закончились, потому что Сектор древнерусской литературы — это не только центр изучения литературы русского Средневековья, но и школа, в которой, как любит с благодарностью вспоминать А. М. Панченко, учили быть ученым. Сектор унаследовал, благодаря незабвенной В. П. Адриановой-Перетц, лучшие черты школы академика В. Н. Перетца, в нем царил дух строгой научности. Будучи верен этому академическому духу по сей день, А. М. Панченко смолоду, однако, не забывал и об уроках, преподанных ему любимым его наставником Владимиром Ивановичем Малышевым в их совместных экспедициях по Русскому Северу. В. И. Малышев знал о народной культуре нечто большее, нежели ученые кабинетного склада. Он открыл А. М. Панченко глаза на реальные истоки этой культуры, может быть, первым пробудив в нем активное стремление к поиску разгадок русского менталитета.

Тема кандидатской диссертации А. М. Панченко, защищенной им в 1964 году, определилась, естественно, с учетом его славистической подготовки — «Чешско-русские литературные связи XVII в.» (Л., 1969). Особенность книги заключается в том, что для решения чисто академических проблем А. М. Панченко обращается к XVII веку — столетию, во многом обусловившему дальнейшее развитие русской истории и культуры. С тех пор русская литература XVII века — кризисного, переломного, переходного периода в истории русской литературы — оказалась в центре научных интересов А. М. Панченко и прежде всего в его докторской диссертации «Русская силлабическая поэзия XVII в.», защищенной в 1972 году (см.: Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973). Монография, которой предшествовало издание поэтических произведений XVII века (Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. Библиотека поэта), стала заметным событием в отечественной науке. В то время в нашем литературоведении шла длительная дискуссия о славянском, в том числе русском, барокко, и книга А. М. Панченко явилась весомым вкладом в решение этой проблемы. При этом А. М. Панченко вовсе не прикладывал западноевропейские мерки к стихотворной продукции и эстетической мысли русских поэтов, а попытался — и эта попытка оказалась успешной — отыскать для определения первого русского литературного направления «другую мысль, другую формулу» (А. С. Пушкин). Разра-

ботанная в дальнейшем А. М. Панченко концепция русского литературного развития в XVII веке была им изложена в соответствующих главах академической «Истории русской литературы» (Л., 1980. Т. 1) и в изданном под редакцией академика Д. С. Лихачева вузовском учебнике «История русской литературы X—XVII вв.» (М., 1980).

Одним из важнейших результатов исследований А. М. Панченко в 1970-е годы стала публикация работ о древнерусском юродстве, которые составили часть изданной им вместе с Д. С. Лихачевым книги «„Смеховой мир“ Древней Руси» (Л., 1976; см. также: *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984). Автор подчеркивал, что исследует не историю, а феноменологию юродства, поэтому примененный им метод явился синтезом методов изучения как поэтики древнерусской литературы, так и нетрадиционных форм и жанров. Эти два направления в изучении древнерусской литературы А. М. Панченко органично воспринял и продуктивно применил к анализу института юродства, создав одну из наиболее ярких отечественных культурологических работ.

Заслуга его, конечно, не только в том, что он снял пати́ну обывательских представлений о юродивых (а таковые бытовали и в научном обиходе). Развенчивание историографических мифов — дело благое и нужное само по себе, но задача автора носит, главное, и позитивный характер: разглядеть за устоявшимися и якобы понятными представлениями суть явления, а затем и сущность культурного движения в русской истории. Отсюда внимание А. М. Панченко к таким, казалось бы, частным вопросам, как «косность» в понимании человека Древней Руси, «тишайший» в титулатуре Романовых или семантика фразеологизма «потемкинские деревни» («„Потемкинские деревни“ как культурный миф», 1983). Вскрывая первоначальный смысл этих слов или словосочетаний, А. М. Панченко показывает, что их позднее истолкование затемняет действительное содержание как самих понятий и фразеологизмов, так и исторического явления, к которому они относятся.

Итогом разысканий А. М. Панченко начала 1980-х годов стала книга «Русская культура в канун петровских реформ» (Л., 1984), вероятно, его важнейшая работа о русском XVII веке. Хотя хронологически «бунташным веком» материал книги не ограничивается, именно это время, а также начало следующего столетия находятся в центре внимания ученого. «Узлом русской культуры» назвал эпоху Петра I Л. Н. Толстой, и А. М. Панченко убедительно показывает, что узел этот завязывался раньше, что корни тех противоречий в русской жизни, с которыми столкнулся царь-реформатор, уходят глубоко в XVII век. Анализируя многообразный и внешне несхожий материал (история и вечность в системе культурных ценностей, древнерусская концепция веселья и смеха, состязательный характер культуры, писатель и книга и т. д.), А. М. Панченко не просто применяет новые методы анализа (особенно продуктивной представляется разработка национальной исторической топики, а также методика реконструкции явлений, от которых почти ничего не сохранилось) и выделяет новые культурные константы, он на большом и разнообразном материале доказывает, что у России XVII века было несколько культурных ориентиров при наличии своих собственных традиций, и победа одной из них при Петре I вовсе не означает, что другие, например старообрядческая, были нежизнеспособны. По мысли автора, эти культуры равны, хотя и не одинаковы. В совместном сосуществовании разных культурных пластов заключалась специфика русской культуры XVII века. Тем самым автор разрушает историографический европоцентристский миф об однородности русского культурного процесса в допетровскую эпоху, миф, принятый как славянофильской, так и либеральной исторической мыслью, но получавший у них противоположные оценки.

Изучение судеб русской культуры в «переходную эпоху» (XVII—начало XVIII века) с неизбежностью привело А. М. Панченко в конце 1980-х—начале 1990-х годов к созданию цикла историсофских работ. Поворот «шарнира времени» придал этим работам не просто научную актуальность. В эпоху повсеместного «многоглаголания», когда, говоря словами церковного публициста XVI века Иосифа Волоцкого, «и в домах, и на путях и на торжищех иноци и мирстии вси сомнятся», размышления видного ученого об истоках и путях России приобретают знаменательный смысл. Одним из первых обобщений на эту тему стала написанная А. М. Панченко вместе с Л. Н. Гумилевым книга в жанре диалога «Чтобы свеча не погасла» (Л., 1990) — о коренных проблемах исторического развития русской культуры и государственности. А. М. Пан-

ченко и Л. Н. Гумилева связывали творческие и дружеские отношения при всей разнице в возрасте и круге научных интересов. Можно сказать, что Л. Н. Гумилев пробудил у А. М. Панченко нетрадиционный подход к восприятию истории, а также заинтересовал его своими евразийскими концепциями.

Название цикла работ А. М. Панченко последнего времени могла бы дать его статья «О специфике славянской цивилизации» (Знамя, 1992, № 9), где речь идет прежде всего о русской цивилизации, которую А. М. Панченко, озабоченный ныне не только узкопрофессиональными проблемами, рассматривает от истоков до современности, включая принятие христианства на Руси и петербургский период русской истории, вплоть до русской революции XX века.

Свои взгляды на русскую историю и культуру А. М. Панченко изложил в 70—90-е годы в общих курсах лекций по литературе Древней Руси и спецкурсах по литературе XVIII века. Сначала — в Институте культуры, затем — в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Эти лекции всегда были событиями не только в научной, но и в художественной жизни. Отчасти это объясняется тем, что в обществе нарастал интерес к истокам национальной культуры. И насыщенные богатой информацией лекции профессора А. М. Панченко удовлетворяли эту потребность. Вместе с тем слушатели понимали уникальный характер этих лекций.

Они уникальны как все поистине талантливое. Ибо талант обладает редким даром сопрягать трудно сопрягаемые качества. В науке, в частности, — соединять многочисленные и достоверные факты с широкими, ненапрянутыми концепциями. Особенно ценен этот дар у лектора, чье устное слово обращено к большой аудитории. Лекции А. М. Панченко насыщены точными и интересными сведениями, которые не повисают в воздухе, а ненавязчиво подводят к убедительным выводам. Сама композиция лекции придает ей качество произведения искусства. Лектор не играет ассоциациями, отпускает на волю мысль своих слушателей, для того чтобы они сами подошли к должному обобщению. Поэтому при всей свободе изложения лекции А. М. Панченко имеют четко выраженный концептуальный характер.

Особое художественное обаяние лекциям А. М. Панченко придает его дар так говорить о прошлом, что оно воскресает в своей жизненной и житейской подлинности. Кажется, что лектор живет в те времена и очень близко знает героев далеких эпох, со всеми их личными особенностями и человеческими слабостями. Но эффектом погружения в прошлое А. М. Панченко не ограничивается. Без прямолинейных аллюзий, он возводит частное к вечному, а значит, и к современности.

В последние годы, благодаря телевидению, аудитория А. М. Панченко неизмеримо выросла. Оригинальность мысли и независимость суждений, а также горячая заинтересованность автора понять «рок событий» отечественной истории снякали этим передачам заслуженный успех. Просветительские циклы телепередач о смысле и характере русской истории получили признание и были отмечены Государственной премией 1996 года.

То обстоятельство, что истолкователем русской истории и культуры стал специалист по древнерусской литературе, не представляется случайным. На протяжении всего своего научного пути академик А. М. Панченко (действительный член Российской Академии наук с 1991 года, ныне — заведующий Отделом новой русской литературы в Пушкинском Доме) подчеркивал в своих работах а их насчитывается более трехсот, единство русского культурного процесса. Это позволило ему сегодня взглянуть на новую и новейшую историю России новаторски, прозревая ее будущее.

© Д. С. Лихачев, Н. Н. Скатов, С. И. Николаев